Генер. адъют. . .
К. И. Бистром.

Δ 448/83

Δ 448/83

195-8-15

83

ГЕНЕРАЛЪ-АДЪЮТАНТЪ

КАРЛЪ ИВАНОВИЧЪ

БИСТРОМЪ.

(Съ портретомъ.)

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Редакціи журнала „Чтеніе для Солдатъ".
1887.

1798

ГЕНЕРАЛЪ-АДЪЮТАНТЪ

КАРЛЪ ИВАНОВИЧЪ БИСТРОМЪ.

(Снимокъ съ портрета, пожалованнаго л.-гв. Егерскому полку въ Бозѣ почившимъ Государемъ Императоромъ Александромъ Николаевичемъ).

Д 448/83

ГЕНЕРАЛЪ-АДЪЮТАНТЪ

Д 448/83

КАРЛЪ ИВАНОВИЧЪ

Б18
Г34ак

БИСТРОМЪ.

(Съ портретомъ.)

Книга имеет:

Печатных листов	Выпуск	В переплетн. един. соедин. №№ вып.	Таблиц	Карт	Иллюстр.	Служебн. №	Наклад и списка
2					1		166 / 1116

Изданіе редакціи журнала „Чтеніе для Солдатъ".

1887.

2007059473

Екатерининскій кан., д. № 78.
2794.

Д-24758
БИБЛ. СССР
ИМЕНИ
В.И.
ЛЕНИНА
СОВЕТ. СЕКТ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 5-го іюля 1887 года.

ГЕНЕРАЛЪ-АДЪЮТАНТЪ

КАРЛЪ ИВАНОВИЧЪ БИСТРОМЪ.

Много у насъ, на Руси, было полководцевъ и генераловъ, память о которыхъ живетъ и долго будетъ жить, не только среди солдатъ, но и среди народа. Разсказы о ихъ подвигахъ, храбрости, великодушіи и сердечной добротѣ передаются изъ устъ въ уста и воодушевляютъ потомство.

Къ числу такихъ любимцевъ народныхъ, принадлежитъ и генералъ Бистромъ, котораго русское воинство перекрестило *Быстровымъ*, и, такимъ образомъ, изъ нѣмецкой фамиліи сдѣлало русскую. Да и самъ Карлъ Ивановичъ былъ только по вѣрѣ нѣмецъ, а душою — совсѣмъ русскій человѣкъ; вѣкъ свой онъ прослужилъ на русской службѣ и оказалъ такіе подвиги храбрости и столько любви къ русскому народу, что его уже никакъ нельзя считать нѣмцемъ.

Генералъ-адъютантъ, генералъ-отъ-инфантеріи, помощникъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя

Михаила Павловича, кавалеръ многихъ орденовъ, Карлъ Ивановичъ Бистромъ родился 1-го мая 1770 года.

Онъ происходилъ отъ одной изъ древнихъ остзейскихъ дворянскихъ фамилій. Отецъ Карла Ивановича былъ полковникомъ русской службы и долго состоялъ комендантомъ въ городѣ Могилевѣ, гдѣ пользовался общею любовію горожанъ. Въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ, Карлъ Ивановичъ Бистромъ, по обычаю того времени, былъ записанъ на службу капраломъ въ лейбъ-гвардіи Измайловскій полкъ. Тягостна была первоначальная его служба, и нельзя сравнивать ее съ сержантскою службою и жизнію бо̀льшей части русскихъ дворянъ, которые, считаясь гвардіи сержантами, спокойно и весело жили въ своихъ помѣстьяхъ. Бистромъ проходилъ всѣ низшія званія: сначала былъ капраломъ, потомъ фурьеромъ, каптенармусомъ и, наконецъ, въ 1787 году, произведенъ въ сержанты. Изъ сержантовъ гвардіи, онъ, по своему желанію, былъ переведенъ капитаномъ въ Невскій мушкетерскій полкъ, квартировавшій тогда въ Финляндіи; а въ то время, у насъ тамъ завязалась война со шведами и Бистрому пришлось принимать въ ней дѣятельное участіе.

Какъ неустрашимъ былъ Карлъ Ивановичъ, показываетъ слѣдующій случай:

Во время командованія его полкомъ въ Финляндіи, онъ узналъ, что одна рота этого полка, оставивъ своихъ офицеровъ, выступила въ полной аммуниціи и съ ружьями и намѣревалась передаться шведамъ.

Карлъ Ивановичъ немедленно отправился въ путь, заѣхалъ впередъ, на перерѣзъ дороги этой ротѣ, и, не размышляя объ опасности своего положенія, закричалъ

богатырскимъ голосомъ: «стой!»—Рота остановилась.—«Во фронтъ!»—скомандовалъ Карлъ Ивановичъ, и рота исполнила приказаніе.

— Заряжай ружья боевымъ патрономъ! — продолжалъ командовать неустрашимый Бистромъ, и рота повиновалась его приказанію.

— Ребята!—сказалъ Карлъ Ивановичъ, ставъ передъ ротою и, такъ сказать, заградивъ собою дорогу въ Швецію,—вы хотите уйти къ шведамъ, измѣнить присягѣ, вы хотите посрамить имя русскаго солдата постыднымъ бѣгствомъ къ непріятелю; хотите оставить вашихъ начальниковъ. Я даю вамъ случай избавиться отъ меня. Стрѣляйте! — закричалъ Карлъ Ивановичъ, указывая на свою обнаженную грудь, — и тогда дѣлайте, что хотите; живой же не допущу васъ до такого срама!

Неустрашимость Карла Ивановича поразила солдатъ, которыхъ подстрекнули къ такому постыдному дѣлу нѣсколько негодяевъ-товарищей, провинившихся передъ ротнымъ командиромъ и хотѣвшихъ, такимъ образомъ, избѣжать наказанія.

Слова Карла Ивановича пробудили совѣсть въ преступныхъ.

— Отецъ, прости насъ!—закричали въ одинъ голосъ солдаты,—вотъ, кто попуталъ насъ уйти къ шведу!—воскликнула рота, указывая на подстрекателей.

Карлъ Ивановичъ наказалъ зачинщиковъ, а роту отвелъ на прежнія квартиры. И любили же его потомъ эти провинившіеся! Они готовы были всегда пожертвовать своею жизнью за такого командира и по одному его слову идти въ огонь и въ воду.

Надо сказать, что въ то время Бистромъ уже былъ маіоромъ. Скоро его отправили въ Петербургъ, въ числѣ тѣхъ офицеровъ отъ каждаго полка, которыхъ повелѣлъ вызвать Императоръ Павелъ Петровичъ, чтобы построить на нихъ новую, такъ называемую, «павловскую» форму, на манеръ прусской (наши солдаты должны были надѣть длинные парики и башмаки). Карлъ Ивановичъ, будучи въ Петербургѣ, обратилъ на себя вниманіе Государя и былъ назначенъ командиромъ 1-го Егерскаго полка. Это уже считалось большимъ отличіемъ, потому что командирами полковъ назначали только полковниковъ. Но скоро онъ получилъ чинъ подполковника, а лѣтъ черезъ пять былъ произведенъ въ полковники. Вмѣстѣ съ тѣмъ, ему дали новый, только что сформированный, 20-й Егерскій полкъ.

Между тѣмъ, намъ нужно было приготовляться къ новой войнѣ; надо было идти противъ Франціи, потому что французскій императоръ Наполеонъ I-й начиналъ самовластно распоряжаться въ чужихъ земляхъ и всѣ державы были на-сторожѣ. Англичане, австрійцы и шведы шли на него и звали въ союзъ Россію. Мы согласились и начали вооружаться.

Русскіе войска, въ томъ числѣ и Бистромъ со своими Егерями, участвовали во многихъ сраженіяхъ и поддержали славу русскаго оружія.

«Вражескія пули обратили Карла Ивановича заживо въ рѣшето, но это не мѣшало ему быть молодцомъ въ полномъ смыслѣ слова», — пишетъ про Бистрома одинъ солдатъ-писатель, И. Н. Скобелевъ. Онъ не пропускалъ ни одного сраженія, ни одной схватки. Тутъ онъ получилъ свой первый орденъ,

Георгія 4-й степени, за дѣло при деревнѣ Черновой. Въ одномъ сраженіи онъ получилъ изъ рукъ самаго Прусскаго Короля орденъ «за заслуги», а въ генеральной битвѣ въ Пруссіи былъ награжденъ золотой шпагой, съ надписью «за храбрость». Черезъ нѣсколько времени, онъ получилъ орденъ св. Владиміра 3-й степени, за отвагу и неустрашимость, оказанныя имъ въ нѣсколькихъ жаркихъ сраженіяхъ.

Карлъ Ивановичъ не щадилъ себя и, не смотря на незажившія раны, появлялся въ первыхъ рядахъ своего полка. Однажды, ему пришлось прикрывать отступленіе русскихъ войскъ впродолженіи четырнадцати часовъ, подъ жестокимъ непріятельскимъ огнемъ. Тутъ онъ былъ раненъ пулею въ правую щеку навылетъ, съ поврежденіемъ челюсти, и долженъ былъ лечь въ лазаретъ, такъ какъ эта рана причиняла ему мучительную боль. Кромѣ того, Карлъ Ивановичъ лишился при этомъ большой части зубовъ и долженъ былъ питаться однимъ бульономъ, который ему вливали въ ротъ черезъ тонкую серебряную трубочку.

Скучно было Бистрому лежать въ лазаретѣ въ военное время, но приходилось покориться необходимости. Императоръ Александръ Павловичъ, который вступилъ на престолъ по смерти Павла Петровича, навѣщалъ не разъ раненаго и кормилъ собственноручно бульономъ.

А Наполеонъ дѣлался все сильнѣе и сильнѣе. Онъ уже мечталъ о покореніи всего свѣта и, говорятъ, выбилъ даже медаль съ изображеніемъ Бога и надписью: «Тебѣ—небо, мнѣ—земля».

Послѣ неудачи въ Пруссіи, Императоръ Александръ I-й

заключилъ съ нимъ тамъ же, въ городѣ Тильзитѣ, миръ, и хотя этотъ миръ не былъ выгоденъ для насъ, за то спасалъ Пруссію, которую Наполеонъ рѣшилъ было уничтожить. Повидимому, оба Императора послѣ мира были дружны, но въ душѣ Наполеона скрывалось намѣреніе помѣряться силами и съ нами и, въ концѣ концовъ, подчинить себѣ и Россію. Находясь въ дружескихъ отношеніяхъ съ Императоромъ Александромъ, по крайней мѣрѣ по виду, онъ не могъ сразу порвать ихъ и сталъ дѣйствовать исподволь. Уклончивыми отвѣтами на просьбы и требованія Русскаго Государя, онъ довелъ дѣло до открытой войны съ Россіей, извѣстной войны 1812 года, которую еще многіе помнятъ, а другіе знаютъ по книжкамъ, либо по разсказамъ.

Наполеонъ собралъ 600-тысячное войско и повелъ главнымъ образомъ на Москву. Французы не прощались со своими родными и знакомыми, покидая отечество, а говорили «до свиданья». Такъ они были увѣрены въ томъ, что одержатъ побѣду. О ихъ тщеславномъ и могущественномъ предводителѣ и государѣ и говорить нечего: онъ еще передъ вторженіемъ въ Россію хвасталъ, что черезъ полгода займетъ Москву и Петербургъ.

Къ этому времени, нашъ Карлъ Ивановичъ былъ назначенъ командиромъ гвардейскаго Егерскаго полка, съ которымъ и не замедлилъ явиться на мѣсто дѣйствія. Онъ сражался сначала подъ Смоленскомъ, а 26-го августа, въ день св. Андріана и Наталіи, первый началъ Бородинское побоище.

Французы открыли сраженіе нападеніемъ на село Бородино, занятое лейбъ-гвардіи Егерскимъ полкомъ.

Храбрые Егеря, воспламененные геройскимъ духомъ своего начальника, мужественно выдержали сильный натискъ непріятеля, который превосходилъ численностью русское войско. Подъ Бистромомъ, въ этой схваткѣ, была убита лошадь; онъ пересѣлъ на другую и опять появился въ первыхъ рядахъ. Тѣмъ не менѣе, натискъ французовъ былъ такъ силенъ, что мы должны были отступить за рѣку Колочу. Французы преслѣдовали насъ и намѣревались уже занять мостъ, переброшенный черезъ рѣку. Тогда Бистромъ отчаянно бросился на нихъ со своими Егерями и совершенно разбилъ непріятеля на этомъ пунктѣ.

Вотъ, какъ изображаетъ Бистрома русскій инвалидъ Кремневъ, описывая Бородинское побоище, въ письмѣ къ своему старому товарищу: «Въ гвардейскомъ корпусѣ,—говоритъ онъ,—есть полковникъ *Быстрый*, дѣтина, какъ будто на заказъ сдѣланъ; онъ съ Егерями у Бородина защищалъ мостъ; я нарочно ходилъ взглянуть на него; ну, сущій, братъ, орелъ! А натура-то у него, кажись, львиная; въ сраженіи, говорятъ, ужасъ, какъ страшенъ; землю, слышь, такъ дёромъ и деретъ, лишь завидитъ пехристя; волосы всклокочены, какъ овинъ; нарочно не стрижется и не чешется; глаза, какъ казацкая пика, и у кого, знать, душонката пуховая, насквозь такъ и лѣзутъ; грудь широкая; а въ плечахъ: ни дать, ни взять—Илья Муромецъ!— «Въ штыки!» — заревѣлъ, вишь, онъ, какъ французы вскочили на мостъ,—и пошла потѣха. Одинъ егерь немного пріотсталъ; *Быстрый* тотчасъ хватилъ его на руки и, какъ молнія, бросился впередъ.— «Вотъ твое мѣсто! Бей и коли встрѣчнаго и поперечнаго»,— ска-

залъ онъ, поставя егеря къ французскому носу. Егерь пріосанился, пріободрился, и французскій носъ на семъ свѣтѣ табаку уже болѣе не нюхалъ».

«Не глядя на опаспость, сгоряя желаніемъ отстоять каждый клокъ русской земли, съ лютостью звѣря кидался Бистромъ на врага,—говоритъ про него И. Н. Скобелевъ,—и кто видѣлъ его, оборонявшаго мостъ при Бородинскомъ сраженіи, тому не нужно, для воодушевленія, вспоминать другое имя. Бывали полководцы равные ему, но лучшимъ быть нельзя».

Дѣйствительно, это былъ незабвенный начальникъ по своимъ воинскимъ дарованіямъ, быстротѣ соображенія, предпріимчивости, храбрости и другимъ доблестямъ. Онъ имѣетъ полное право стоять на ряду съ нашими лучшими генералами. Бистромъ вполнѣ постигнулъ характеръ русскаго солдата и, владѣя этимъ талисманомъ, совершалъ блистательные подвиги со своими чудо-богатырями. «При грозномъ имени Бистрома»,—говоритъ тотъ же Скобелевъ,—«мурашки ползали по кожѣ басурмана и, какъ листъ на деревѣ, трепеталъ врагъ заморскій. Обожая искренно все, что душѣ христіанина свято и сердцу вѣрноподданнаго мило, онъ пламенно любилъ мать нашу—Русь святую; болѣе 50-ти лѣтъ украшалъ собой ряды наши; зналъ языкъ солдатскій, умѣлъ оцѣнить, ободрить и гранитною молодецкою грудью двинуть насъ, солдатъ, къ славѣ, къ побѣдамъ и смерти».

За отличіе, оказанное Бистромомъ въ Бородинскомъ сраженіи, онъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры.

Всѣмъ, вѣроятно, извѣстно, что подъ Бородинымъ мы потеряли почти половину арміи и, хотя французовъ

пало еще больше, но продолжать битву было нельзя. Военный совѣтъ генераловъ, собравшись въ одной подмосковной деревнѣ, Фпляхъ, рѣшилъ начать отступленіе и оставить Москву. Жители ея никакъ не ожидали такого рѣшенія и были весьма удивлены, когда наша армія, двинувшись изъ вышеупомянутой деревни, прошла только черезъ улицы Москвы и направилась по рязанской дорогѣ. Главнокомандующій арміей, Кутузовъ, сказалъ на совѣтѣ, что если мы потеряемъ Москву, то это еще не значитъ, что потеряна Россія; была бы цѣла только армія.

Такимъ образомъ, когда Наполеонъ вступилъ въ Москву, она была пуста. Жители оставили ее вслѣдъ за войскомъ и, покидая, подожгли. Наполеону пришлось перебираться изъ одного зданія въ другое, такъ какъ пожаръ распространялся. Кромѣ того, французы съ трудомъ добывали себѣ фуражъ, потому что русскіе партизаны засѣли кругомъ Москвы и налетали на французовъ, какъ только послѣдніе за чѣмъ-нибудь выходили оттуда.

Пожары, голодъ, всеобщее неудовольствіе,—все это разстроило и ослабило французскую армію, между тѣмъ, какъ русская усиливалась.

Кутузовъ съ рязанской дороги перешолъ на калужскую и расположился лагеремъ при Тарутинѣ. Эта мѣстность была удобна въ томъ отношеніи, что находилась на пути въ губерніи, богатыя хлѣбомъ, куда не хотѣли пускать Наполеона, а вмѣстѣ съ тѣмъ, мы съ разныхъ сторонъ могли здѣсь получать и подкрѣпленія.

Между тѣмъ, Наполеонъ, находясь въ Москвѣ и

видя, что русскихъ вовсе не такъ легко покорить, не зналъ, какъ ему поступить. Вдругъ, его увѣдомили, что часть Русской арміи напала на его авангардъ и разбила его. Онъ поспѣшилъ выступить изъ Москвы, но предварительно приказалъ взорвать Кремль и поджечь нѣкоторыя хорошія зданія.

Одинъ исходъ былъ теперь для него—отступать. И дорого же ему стоило это отступленіе, потому что оно сопровождалось кровопролитными схватками. Вотъ тутъ-то опять отличился нашъ новый генералъ-маіоръ Бистромъ. Въ знаменитой битвѣ подъ Малоярославцемъ и подъ селомъ Краснымъ, ему удалось, съ своимъ удалымъ полкомъ, забрать много плѣнныхъ и пушекъ.

Наступила зима, суровая и невыносимая для непривыкшихъ къ холоду французовъ. Они умирали тысячами отъ холода и голода, такъ какъ крестьяне, покидая деревни, истребляли и сожигали всѣ запасы и избы. При переправѣ черезъ рѣку Березину, ихъ погибло еще больше. Въ безсильной злобѣ, Наполеонъ бросилъ остатки своей арміи и ускакалъ въ Парижъ, вооружать новую.

Такимъ образомъ, благодаря самопожертвованію Русскаго народа и разумно составленному и выполненному плану войны, французы были изгнаны изъ Россіи. Но Русскій Императоръ хотѣлъ освободить отъ нихъ и Европу. Онъ немедленно отправилъ русскія войска за-границу, думая, что союзники найдутся. Но только Пруссія рѣшила вновь выступить противъ Наполеона, который собралъ 300-тысячную армію и съ нею началъ разбивать союзниковъ.

Битвы при Люценѣ и Бауценѣ опять ознаменовались геройскими подвигами нашихъ русскихъ полководцевъ и въ томъ числѣ Бистрома. Но перевѣсъ былъ все-таки на сторонѣ французовъ до тѣхъ поръ, пока не присоединилась Австрія, Англія и Швеція.

Мы начали одерживать побѣду за побѣдой. Въ славномъ сраженіи подъ Лейпцигомъ, Бистромъ командовалъ цѣлымъ отрядомъ, и такъ блистательно, что Императоръ Александръ I-й, пригласивъ его послѣ сраженія къ своему столу, провозгласилъ тостъ *за храбраго генерала Бистрома.*

Въ 1814 году былъ заключенъ миръ.

Ликовала Россія послѣ этой войны, покрывшей ее славой. Сколько празднествъ было устроено по случаю возвращенія войскъ изъ чужихъ земель! Возвратился и генералъ Бистромъ, со своимъ храбрымъ полкомъ.

Въ 1821 году, онъ былъ назначенъ начальникомъ 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи. Трогательно было прощаніе Карла Ивановича съ Лейбъ-егерями, съ любимымъ полкомъ, съ которымъ связана его слава. Разсказываютъ, что подъѣхавъ къ полку и поздоровавшись съ нимъ, Карлъ Ивановичъ попросилъ всѣхъ офицеровъ подойти къ нему.

— И вы, старики, сюда, ко мнѣ! Окружите стараго вашего командира! — сказалъ онъ, обращаясь къ ветеранамъ, стоявшимъ во фронтѣ.

Тутъ генералъ Бистромъ, объявивъ о своемъ новомъ назначеніи, сказалъ, что всѣми этими милостями Государя, онъ обязанъ храбрости полка; послѣ чего вычислилъ сраженія, въ которыхъ находился съ полкомъ, благодарилъ солдатъ за службу, просилъ продолжать ее

и при его преемникѣ съ такою же ревностью, какою отличались они при немъ. . . . .

— Если же я виноватъ въ чемъ-нибудь передъ вами, господа, — прибавилъ Карлъ Ивановичъ, обращаясь къ офицерамъ, — или оскорбилъ кого по горячности моего характера, то простите меня, какъ человѣка.

— Карлъ Ивановичъ!—отвѣчали всѣ офицеры единодушно, устремясь цѣловать добраго командира,—кто дѣлилъ съ вами опасности, кто служилъ такъ долго подъ вашимъ начальствомъ, можетъ-ли тотъ вспоминать въ эту минуту объ обидахъ, если бы вы кому-нибудь и причинили ихъ? Вы были для насъ начальникомъ и отцомъ!

Тронутый общею любовью и привязанностью подчиненныхъ, Карлъ Ивановичъ плакалъ, какъ ребенокъ.

Въ 1825 году, Бистромъ былъ удостоенъ такой Царской милости, какой еще никого изъ полководцевъ до сихъ поръ не удостоивали. Дѣло было такъ. Извѣщаютъ Карла Ивановича, что къ нему пріѣхали Великіе Князья, Братья Государя, Николай Павловичъ и Михаилъ Павловичъ. Вслѣдъ за ними прибыли генералы и офицеры всей Гвардейской пѣхоты. Великіе Князья подали Бистрому рапорты и вручили Высочайшій приказъ о назначеніи его командующимъ всей Гвардейской пѣхотой. Ему первому было присвоено это званіе.

Карлъ Ивановичъ поспѣшно отправился къ Императору и, со слезами на глазахъ, благодарилъ за такое лестное вниманіе къ его заслугамъ, за такую честь.

— Карлъ Ивановичъ, — сказалъ ему тогда Государь, — я долго испытывалъ тебя и, наконецъ, убѣ-

дился, что смѣло могу поручить подъ твое начальство Моихъ Братьевъ.

Въ 1825 же году, когда вступалъ на престолъ Николай Павловичъ, Бистромъ былъ назначенъ его генералъ-адъютантомъ.

Въ 1828 году началась у насъ война съ Турціей, въ которую мы были вовлечены безъ всякаго желанія съ нашей стороны. Дѣло въ томъ, что греки на Балканскомъ полуостровѣ возстали поголовно, вслѣдствіе притѣсненій турецкаго султана. Еще Императоръ Александръ I-й сочувствовалъ стремленію грековъ къ независимости, а Николай Павловичъ принялъ живое участіе въ судьбѣ притѣсненныхъ и, въ союзѣ съ Англіей и Франціей, началъ борьбу противъ султана. Султанъ, не смотря на понесенное пораженіе, захотѣлъ продолжать войну, заявляя, что Россія—главная виновница смутъ между греками. Тогда Николай Павловичъ объявилъ Турціи войну.

Благодаря храбрости начальниковъ и тому, что самъ Государь лично распоряжался на войнѣ, дѣло велось очень успѣшно. Мы брали крѣпость за крѣпостью и, наконецъ, заняли Адріанополь—вторую столицу Турецкой имперіи.

При осадѣ крѣпости Варны, генералъ Бистромъ оказалъ, со своими гвардейцами, необыкновенное мужество и храбрость, находчивость и распорядительность.

Разсказываютъ, что одинъ отрядъ, весьма немногочисленный, находившійся подъ Варной, сильно упалъ духомъ, потому что былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ турками. Пріѣзжаетъ сюда Карлъ Ивановичъ.

Солдаты, между тѣмъ, сидятъ унылые вокругъ бивуачныхъ огней и ведутъ бесѣду.

— Плохо, братцы, будетъ намъ, — сказалъ одинъ изъ нихъ, обращаясь къ товарищамъ, — подмоги не даютъ намъ, а басурманы вчетверо сильнѣе насъ и крѣпко харахорятся: того и гляди, карачуна намъ дадутъ и искрошатъ, словно артельную капусту.

— Съ умомъ-ли ты, — возразилъ старый, усатый гренадеръ,— а *Быстровъ*-то на что? Да съ нимъ, братъ, и на днѣ моря не сгибнешь; и хотя бы ихъ было по десятку на всякаго нашего—все трынъ-трава! Глядп, вишь, какимъ богатыремъ расхаживаетъ!—продолжалъ ветеранъ, указывая на Бистрома, — стало-быть, намъ не о чемъ сомнѣваться.

— Оно такъ, — отвѣчалъ первый изъ нихъ, почесывая затылокъ, — а все-таки было бы покуражнѣе, когда на подмогу прислали бы хоть еще одинъ полкъ.

— Экой ты безтолковый!—сказалъ стоявшій вблизи гренадеръ,—заладилъ одно: давай ему подмогу; а зачѣмъ тебѣ подмога? Да въ *Быстровѣ*-то одномъ сидитъ пять тысячъ войска—вотъ тебѣ и подмога.

Въ это время, генералъ Бистромъ, прохаживаясь по бивуакамъ, случайно подошелъ къ той самой кучкѣ, среди которой происходилъ описанный разговоръ...

— Здорово, молодцы, храбрые гренадеры!

— Здравія желаемъ, ваше превосходительство! — съ восторгомъ гаркнули солдаты на привѣтъ любимаго начальника.

— Ужинали-ли вы сегодня?—спросилъ Карлъ Ивановичъ.

— Никакъ нѣтъ!—отвѣчали солдаты.

— Такъ ступайте же, выпейте по крышкѣ водки, закусите сухарями, чтобы за ушами затрещало, и поѣшьте каши. А тамъ, съ Божьей помощью, примемся и за работу; зададимъ басурманамъ славнаго трезвона, чтобы они своихъ не узнали. Гдѣ имъ, бѣлосухарникамъ, устоять противъ русскаго Православнаго солдата, вскормленнаго ржанымъ артельнымъ хлѣбомъ и вспоенаго ротнымъ квасомъ.

— Точно такъ, ваше превосходительство! Рады стараться!—отвѣчали солдаты, готовые уже по одному слову *отца-молодца* броситься на враговъ, не думая болѣе о числѣ ихъ.

— Ты такъ и глядишь, чтобы заколоть трехъ турокъ,—молвилъ Карлъ Ивановичъ, обращаясь, какъ бы нарочно, къ тому самому солдату, который предсказывалъ бѣду своимъ товарищамъ.

— Больше заколю, ваше превосходительство, и не пикнутъ!—отвѣчалъ солдатъ, вытянувшись въ струнку.

— Молодецъ, — сказалъ Карлъ Ивановичъ, потрепавъ его по плечу.—Русскому солдату стыдно идти на одного турка. Давай ему полдюжины на брата, такъ есть надъ чѣмъ поработать штыкомъ. Впрочемъ, мы должны, ребята, оправдать довѣренность, сдѣланную намъ Государемъ, и развѣ по мертвымъ тѣламъ нашимъ пройдутъ турки въ Варну. Я проспалъ Государя,— продолжалъ Карлъ Иванович, — дать мнѣ первый баталіонъ Лейбъ-гренадеровъ, а съ ними я отстою Варну. Слышите-ли, ребята, не ударьте же лицомъ въ грязь!

— Благодаримъ покорно! Рады стараться! — отвѣчали солдаты, восхищенные словами героя.

Бистромъ, воодушевивъ воиновъ, немедленно отправился въ свой редутъ.

Солдаты пошли ужинать, выпили за здоровье *отца-командира* и возвратились на свои бивуаки. Скоро все смолкло. Костры погасли и всѣ уснули глубокимъ сномъ.

На другой день, когда турки сдѣлали нападеніе на отрядъ генерала Бистрома, гренадеры наши оказали чудеса храбрости, а рядовой Синюгинъ, который больше всѣхъ трусилъ, закололъ пять турокъ.

— Я вамъ говорилъ, ребята,—сказалъ Карлъ Ивановичъ, благодаря солдатъ за неустрашимость и храброе поведеніе въ дѣлѣ,—что туркамъ не устоять противъ такихъ молодцовъ, какъ вы; вы такъ давича сцѣпились съ ними, что я хотѣлъ водой васъ разливать: только наша взяла; гдѣ имъ, озорникамъ, драться съ вами!

— Ей-Богу, озорники, ваше превосходительство!— воскликнулъ одинъ изъ солдатъ, высунувшись изъ толпы.

— Подойди сюда, молодецъ,— сказалъ Карлъ Ивановичъ и поцѣловалъ этого солдата.—Смотри же, проучи ихъ хорошенько въ первомъ дѣлѣ, — продолжалъ Бистромъ.

— Не положу охулку на руку, ваше превосходительство; полдюжины уберу.

18-го сентября, этотъ самый рядовой, во время атаки непріятельскаго редута, закололъ двухъ человѣкъ, но и самъ получилъ двѣ тяжелыя раны. Когда его понесли къ перевязочному пункту, онъ былъ неутѣшенъ.

— Это ничочемъ, братцы,—говорилъ онъ несшимъ его товарищамъ,—до свадьбы заживетъ; а вотъ горе:

обѣщалъ *Быстрову* заколоть шестерыхъ турокъ, а угомонилъ только двухъ.

Не говоря о томъ, что Бистромъ умѣлъ воодушевить солдатъ и придать имъ бодрость какимъ-нибудь привѣтнымъ словомъ, прибауткой солдатской, — одного имени его было достаточно, чтобы произвести дивное дѣйствіе на солдатъ въ его отсутствіе.

Русскій солдатъ немного требуетъ: дайте ему все, что положено закономъ, будьте къ нему строги, но справедливы, входите въ его положеніе — и онъ всей душой будетъ любить такого командира. Карлъ Ивановичъ былъ именно такимъ начальникомъ. Солдатъ знаетъ каждую принадлежащую ему копѣйку и не любитъ, если она пропадаетъ. Не даромъ говорится, что «солдатское добро ни въ огнѣ не горитъ, ни въ водѣ не тонетъ».

Однажды, послѣ турецкой кампаніи, Карлъ Ивановичъ посѣтилъ въ одномъ губернскомъ городѣ инвалидный домъ. Увидя тамъ престарѣлаго служаку, онъ спросилъ его, всѣмъ-ли тотъ доволенъ и не имѣетъ-ли къ нему какой просьбы.

— Всѣмъ я доволенъ, ваше превосходительство,— отвѣчалъ инвалидъ,—только, вотъ что хотѣлось бы попросить у васъ: нельзя-ли отыскать полковаго писаря и взыскать съ него два алтына, которыми онъ попользовался изъ моего жалованья, при выдачѣ указа о моей отставкѣ?

— Вотъ тебѣ, старикъ, двадцать-пять рублей за свои два пропавшіе алтына, — сказалъ Карлъ Ивановичъ, давая ему двадцатипятирублевую бумажку.

— Благодаримъ покорно, ваше превосходительство,—

а все-таки прикажите отыскать этого писаря и заслуженные мною два алтына раздѣлить хотя на нищую братію.

Таковъ русскій солдатъ! За милость — спасибо, а законное, что слѣдуетъ—подавай ему сполна!

Между тѣмъ, здоровье нашего Карла Ивановича, отъ вѣчныхъ походовъ и ранъ стало ухудшаться. Чувствуя, что нужно полечиться, онъ просилъ уволить его въ отпускъ и поѣхалъ въ нѣмецкую землю—пить лечебныя воды.

Недолго, однако же, пришлось ему тамъ отдыхать, и не успѣлъ онъ хотя немного оправиться, какъ вдругъ услыхалъ, что возмутились поляки и что гвардія уже выступила въ походъ, чтобы усмирить возстаніе. Не могъ спокойно думать Бистромъ о войнѣ, да не принимать участія. Забывъ о своихъ недугахъ и ранахъ, бросилъ онъ леченіе и поскакалъ на войну.

Этотъ походъ еще болѣе прославилъ его мужество и опытность въ военномъ дѣлѣ. А когда открылась холера, такъ Карлъ Ивановичъ лично посѣщалъ холерныхъ въ лазаретѣ, не желая слушать никакихъ предостереженій докторовъ. Великій Князь Константинъ Павловичъ и главнокомандующій нашими войсками Дибичъ сдѣлались уже жертвами этой страшной болѣзни.

Въ Остроленкѣ, неподалеку отъ Варшавы, былъ устроенъ холерный лазаретъ. Люди гибли сотнями, а между тѣмъ, тутъ же произошло кровопролитное сраженіе, такъ называемое «остроленкское побоище».

Карлъ Ивановичъ, во время сраженія, со своимъ штабомъ стоялъ напротивъ моста, на углу улицы, подъ

сильными непріятельскими выстрѣлами. Не думая о себѣ, онъ, съ примѣрнымъ хладнокровіемъ, какъ будто на маневрахъ, дѣлалъ распоряженія.

Осколкомъ гранаты, Бистромъ былъ раненъ въ бедро, но продолжалъ командовать отрядомъ, какъ ни въ чемъ не бывало, только лицо у него немного измѣнилось. Полковой лекарь это замѣтилъ и поспѣшилъ на помощь.

— Убирайся отсюда, чтобы тебя почище моего не контузило! — сказалъ ему Карлъ Иваповичъ.—Лучше пособи вотъ этому раненому старику,—прибавилъ онъ, указывая на лежавшаго вблизи солдата, съ окровавленною правою рукою.

Забывая свои страданія, неустрашимый *отецъ-командиръ*, заботился о поданіи помощи послѣднему изъ подчиненныхъ!

Когда врачъ, по приказанію Бистрома, сдѣлалъ нужную перевязку этому раненому, то послѣдній спросилъ у него:

— Ваше высокоблагородіе! Буду-ли я владѣть рукою?

— Будешь, любезный другъ!—отвѣчалъ врачъ.

— Слава Тебѣ, Господи! — воскликнулъ радостно солдатъ,—у меня останется цѣлою правая рука, чтобы ею креститься за Батюшку-Царя и за нашего генерала Быстрова, и ею же бить непріятелей.

Когда польскій мятежъ былъ усмиренъ и гвардія вернулась въ Петербургъ, генералъ Бистромъ снова отправился за-границу, поправлять свое здоровье, о которомъ онъ было и позабылъ въ военное время.

Года черезъ полтора, онъ возвратился въ Петербургъ, и хотя силы его возстановились, тѣмъ не менѣе, онъ

сталъ вести жизнь тихую, никуда не выѣзжалъ и къ себѣ никого не принималъ. Онъ любилъ проводить время въ кругу своихъ офицеровъ и племянниковъ, которые часто пріѣзжали къ нему гостить. Нѣкоторые офицеры даже и жили съ нимъ въ одномъ домѣ, вмѣстѣ обѣдали и ужинали.

Будучи въ душѣ русскимъ человѣкомъ, Бистромъ любилъ и русскія кушанья: по будиямъ ѣлъ щи и кашу, по воскресеньямъ бывали у него и пироги. За обѣдомъ всегда много говорили. Самъ Карлъ Ивановичъ всегда такимъ образомъ велъ бесѣду, чтобы узнать и характеръ, и думы своихъ подчиненныхъ; заводилъ разговоръ о военныхъ наукахъ, о тѣхъ людяхъ, что книжки сочиняютъ, вызывалъ собесѣдниковъ на отвѣты, по которымъ узнавалъ умъ и душевныя качества подчиненныхъ. Это такъ сближало его съ офицерами, что, казалось, будто отецъ съ дѣтьми бесѣдуетъ. Онъ очень любилъ читать такія книги, въ которыхъ писали про русскую жизнь и про русскій народъ, а въ особенности зачитывался тѣми, гдѣ описывали храбрыхъ, честныхъ, преданныхъ отечеству людей.

Не меньше чѣмъ съ офицерами, любилъ Бистромъ потолковать и съ солдатами. Онъ очень часто вступалъ въ разговоръ съ вѣстовыми, которые каждый день являлись къ нему отъ войскъ гвардейской пѣхоты. Часто онъ предлагалъ имъ замысловатые вопросы и любилъ скорые отвѣты, какъ Суворовъ. Одного солдата, уроженца Ярославской губерніи, онъ вдругъ спросилъ однажды:

— Какой гербъ Ярославской губерніи?

Тотъ, не долго думая, отвѣтилъ:

— Русскій левъ, ваше превосходительство.

— Молодецъ!—сказалъ Карлъ Ивановичъ, довольный его отвѣтомъ, хотя и не совсѣмъ вѣрнымъ, но мѣткимъ, потому что гербъ Ярославской губерніи—медвѣдь.

Но, бывало, что солдатики давали и очень забавные отвѣты. Такъ, однажды, Бистромъ спросилъ вѣстоваго:

— Ты, кажется, служилъ при мнѣ въ гвардейскомъ Егерскомъ полку и дрался съ французами?

— Такъ точно, ваше превосходительство.

— А гдѣ ты дрался съ французами?

— Подъ Варной *), ваше превосходительство!

Генералъ Бистромъ, хотя и исповѣдывалъ лютеранскую вѣру, но чтилъ православныхъ святыхъ, и въ особенности Угодника Николая Чудотворца. Образъ этого Святаго, обдѣланный въ дорогую ризу, всегда стоялъ у него въ залѣ. Передъ нимъ теплилась неугасимая лампада. Но какъ къ лютеранину могъ попасть русскій образъ? Дѣло въ томъ, что Карлъ Ивановичъ видѣлъ, однажды, во снѣ ликъ Николая Чудотворца, и такъ этотъ сонъ на него подѣйствовалъ, что онъ поспѣшилъ пріобрѣсти икону Угодника, съ которой уже болѣе никогда не разставался.

Когда, подъ Варной, русскіе отразили нападеніе турецкихъ полчищъ, Карлъ Ивановичъ сказалъ во время молебствія, указывая на этотъ образъ:

— Молитесь! Вотъ Кому мы обязаны побѣдой.

Случилось такъ, что Бистромъ, однажды, лишился этого образа. Это было во время польской кампаніи,

*) Подъ Варной были турки, а никакихъ французовъ тамъ не было.

когда поляки отбили у насъ часть обоза, въ которомъ были и деньги, и дорогія вещи генерала Бистрома, а вмѣстѣ и образъ.

— Видно, святой Угодникъ отступился отъ меня,— говорилъ Карлъ Ивановичъ окружавшимъ его.

Всѣ скорбѣли и печалились по случаю этой потери и всѣми способами старались разузнать, въ чьи руки попалъ образъ.

Услышалъ объ этомъ одинъ раненый русскій офицеръ, который лечился въ польской деревнѣ. Случайно, онъ послѣ того увидалъ въ томъ домѣ, гдѣ лежалъ, бумаги съ именемъ генерала Бистрома. Это навело его на мысль, что отсюда слѣдуетъ начать разыскивать образъ. Онъ написалъ Карлу Ивановичу письмо. Дѣйствительно, скоро напали на слѣдъ иконы; у ксендза (польскій священникъ) того мѣстечка оказался крестъ, снятый съ образа Николая Чудотворца. Смекнули, что тамъ же надо искать и образъ. Генералъ послалъ своего адъютанта, который, послѣ долгихъ розысковъ, узналъ, что образъ зарытъ въ землѣ въ такомъ-то мѣстѣ. Разрыли это мѣсто, заваленное соромъ и хворостомъ и, точно, нашли тамъ образъ Чудотворца Николая, со всѣми его дорогими украшеніями. Трудно описать ту радость, которую выказалъ Карлъ Ивановичъ при извѣстіи, что образъ нашелся. Замѣчательно, что изъ всѣхъ вещей Бистрома, отбитыхъ непріятелемъ, отыскана была только эта икона, да жалованная, осыпанная брилліантами, шпага.

Во время тяжкой болѣзни Карла Ивановича, въ 1835 году, ему былъ кѣмъ-то присланъ образъ св. Пантелеймона. Со слезами умиленія, приложился къ

нему больной и просилъ повѣсить его на иконѣ Николая Чудотворца. Съ этой минуты, ему стало легче, и онъ, съ помощью Божіей, совершенно оправился.

Теперь образъ Николая Чудотворца, по духовному завѣщанію Карла Ивановича, находится въ Преображенскомъ всей Гвардіи соборѣ и поставленъ справа, передъ алтаремъ, подлѣ клироса пѣвчихъ. Отломленный поляками крестъ, вновь придѣланъ сверху образа, а внизу, на мѣдной доскѣ, вырѣзана надпись, объясняющая подробно знаменательность этой иконы, сопровождавшей Бистрома во всѣхъ случаяхъ его военной жизни.

Образъ св. Пантелеймона, на той самой голубой лентѣ, на которой былъ присланъ, виситъ въ этомъ же соборѣ, на иконѣ Божіей Матери Троеручицы, находящейся въ алтарѣ, насупротивъ престола.

Благотворительность генерала Бистрома извѣстна была повсюду. Со всѣхъ сторонъ стекались къ нему за помощью. Надо было посмотрѣть, сколько народу къ нему являлось за пособіемъ и какъ разнообразенъ былъ этотъ народъ. Въ его пріемной залѣ можно было встрѣтить и вдову-солдатку, которая просила подаянія, чтобы идти на богомолье, и отставнаго воина, который, передъ отправленіемъ на родину, приходилъ къ старому отцу-командиру пожелать «счастливо оставаться», и именинника-солдата, который приходилъ по этому случаю поздравить своего генерала и поднести крендель, или яблокъ. У добраго Карла Ивановича хватало на всѣхъ, и всѣхъ пускалъ онъ къ себѣ. Но нашлись люди, которые злоупотребляли его добротой. Такъ, къ нему нѣсколько разъ являлся какой-то бродяга, подъ

видомъ раненаго русскаго офицера. Карлъ Ивановичъ давалъ ему большія суммы денегъ. Наконецъ, настойчивость просьбъ мнимаго офицера заставила Бистрома заподозрить его въ обманѣ. Такъ и вышло. Когда Карлъ Ивановичъ попросилъ этого офицера развязать руку, то оказалось, что повязка только была окровавлена, а изъ подъ нея сверкнулъ ножъ въ рукѣ злодѣя.

Карлъ Ивановичъ выхватилъ ножъ, созвалъ людей и тутъ же узналъ, что раненый офицеръ этотъ—просто бродяга.

Если кто пожелаетъ знать, на что издерживалъ Карлъ Ивановичъ бо́льшую часть денегъ, получаемыхъ отъ щедротъ Государя, то можно бы сказать, что «черезъ руки бѣдныхъ онъ передавалъ ихъ Богу».

Карлъ Ивановичъ часто говорилъ:

— Мнѣ ничего не надо. Мое единственное удовольствіе состоитъ въ томъ, когда подчиненные мои награждаются и всѣмъ довольны. Трудясь по службѣ безпрерывно, они берегутъ и успокоиваютъ меня, старика. Какъ же не заботиться и мнѣ о нихъ? Награды имъ, почитаю наградами, оказанными собственно мнѣ.

Не смотря на тихую, уединенную и спокойную жизнь, здоровье Карла Ивановича не улучшалось и онъ сталъ снова собираться за-границу. Но вдругъ, онъ получилъ письмо отъ Великаго Князя Михаила Павловича, который, по разстроенному здоровью, тоже ѣхалъ за-границу, и просилъ Бистрома принять на себя командованіе Гвардейскимъ корпусомъ. Карлъ Ивановичъ забылъ свои недуги и явился немедленно на службу.

Но не долго пришлось ему прослужить, потому что

онъ скоро опять заболѣлъ и поѣхалъ за-границу, гдѣ и скончался, вдали отъ горячо любимой имъ Россіи. Въ послѣднія минуты жизни, онъ думалъ только о товарищахъ и сослуживцахъ, имъ онъ посвятилъ послѣднія слова свои и мгновенія.

«Прощайте, прощайте навѣчно, добрые товарищи!—писалъ онъ передъ смертію.—Отъ искреннѣйшаго сердца благодарю васъ за довѣріе, дружбу и любовь ко мнѣ; воспоминаніе о нихъ, услаждая послѣднія минуты тяжкихъ земныхъ страданій моихъ, будетъ сопровождать меня въ вѣчность! Не забывайте же и вы стараго товарища, васъ искренно любившаго; сохраните въ рядахъ своихъ память о немъ и да запечатлѣетъ каждый изъ васъ, подобно мнѣ, смертью своею, чувства пламенной любви и безпредѣльной вѣрнопреданности къ драгоцѣнному Отечеству и Великому Государю нашему».

12-го августа 1838 года происходили похороны генерала Бистрома. Тѣло его было привезено изъ-заграницы на пароходѣ. Множество народа собралось на встрѣчу бреннымъ останкамъ любимаго героя. Всѣ направились-было къ Казанскому собору, но, къ удивленію, узнали, что тѣло повезутъ отпѣвать въ лютеранскую церковь. Странно имъ было видѣть, что *Бистрова*, по душѣ и фамиліи русскаго, будутъ хоронить не по обрядамъ Православной церкви.

Еще при жизни, Карлъ Ивановичъ пожелалъ, чтобы его похоронили въ его имѣніи, которое находилось недалеко отъ Ямбурга *). Поэтому, послѣ отпѣванія, тѣло повезли къ Нарвской заставѣ. Все время, два офицера

*) Ямбургъ недалеко отъ Нарвы.

несли впереди образъ Николая Чудотворца, съ которымъ Карлъ Ивановичъ не разлучался при жизни. Народъ, сопровождавшій гробъ, радовался, что все-таки несутъ икону при погребеніи человѣка, который такъ любилъ русскій Православный людъ.

У Нарвской заставы шествіе остановилось и лейбъ-гвардіи Егерскій полкъ и артиллерія открыли пальбу въ честь бывшаго своего начальника. Потомъ гробъ переставили на дорожныя дроги и повезли въ имѣніе покойнаго.

На могилѣ Бистрома поставленъ бронзовый памятникъ, съ изображеніемъ льва на мраморномъ подножіи. Съ одной стороны, гдѣ помѣщено изображеніе Карла Ивановича, виднѣется надпись:

«Генералу отъ инфантеріи Карлу Ивановичу Бистрому, отъ Гвардейскаго корпуса».

Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ кончины Карла Ивановича, Августѣйшій Командиръ Гвардейскаго корпуса, Наслѣдникъ Цесаревичъ Александръ Николаевичъ препроводилъ въ л.-гв. Егерскій полкъ, которымъ покойный такъ долго и славно командовалъ, портретъ его, при слѣдующемъ собственноручномъ письмѣ:

«Командиру лейбъ-гвардіи Егерскаго полка,

«Господину генералъ-маіору, барону Соловьеву.

«Не многимъ Русскимъ не извѣстно имя покойнаго генералъ-адъютанта Карла Ивановича Бистрома. Въ Гвардейскомъ корпусѣ не сыщется, конечно, человѣка, который бы не зналъ его лично, или по свѣжему преданію.

«Бывъ удостоенъ благосклоннаго и высокаго вни-

манія четырехъ Царей Россіи, онъ былъ всегда примѣрнымъ подданнымъ и вполнѣ оправдалъ Царское къ нему благоволеніе.

«Его многолѣтняя жизнь и вмѣстѣ служба, могутъ почесться образцомъ усердія и дѣятельности въ мирное время и примѣромъ геройскихъ подвиговъ въ войнѣ. Гвардія лишилась въ немъ храбраго сподвижника и отца-начальника; Его Императорское Высочество, Великій Князь Михаилъ Павловичъ — усерднаго помощника и искренняго друга, Государь Императоръ — вѣрнаго слуги, Отечество — храбраго воина-защитника и ревностнаго къ благу его сына. Память о немъ незабвенна для всѣхъ тѣхъ, которые его знали, и еще болѣе для тѣхъ, которые служили подъ его начальствомъ; для послѣднихъ она священна: ихъ любовь, привязанность и довѣріе къ нему были безпредѣльны.

«Съ душевнымъ удовольствіемъ соразділяя общее уваженіе къ достойному человѣку и желая почтить и упрочить еще болѣе память о немъ, Я препровождаю при семъ къ вашему превосходительству портретъ его, въ позолоченной рамѣ, и предписываю хранить его навсегда въ лейбъ-гвардіи Егерскомъ полку, въ томъ вниманіи, что онъ командовалъ имъ въ тяжкія, но знаменитыя для Россіи времена Отечественной кампаніи 1812 года, и что блестящіе подвиги сего полка неразлучны съ славой покойнаго героя.

«Да хранится въ полку, вмѣстѣ съ симъ памятникомъ и тотъ воинственный духъ, который былъ душою его при доблестномъ начальникѣ.

«Генералъ-адъютантъ *Александръ*».

ВЪ ГЛАВНОЙ КОНТОРѢ РЕДАКЦІИ ЖУРНАЛОВЪ:

„ЧТЕНІЕ для СОЛДАТЪ“ и „ЧТЕНІЕ для НАРОДА“

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ,

МОЖНО ПОЛУЧИТЬ СЛѢДУЮЩІЯ КНИЖКИ:

208.—Св. апостолъ Матѳей. Изд. 1874 г. Цѣна 7 коп.
209.—Св. апостолъ Маркъ. Изд. 1874 г. Цѣна 7 коп.
210.—Св. апостолъ Лука. 1874 г. Цѣна 7 коп.
211.—Св. апостолъ Іоаннъ Богословъ. Изд. 1874 г. Цѣна 7 коп.
171.—Житіе, страданіе и смерть св. Іакова апостола, брата Божія. Цѣна 7 коп.
170.—Соборъ Архистратига Михаила и прочихъ небесныхъ безплотныхъ силъ. Цѣна 7 коп.
172.—Великомученица Ирина. Цѣна 7 коп.
173.—Мученицы: Вѣра, Надежда, Любовь и мать ихъ Софія. Цѣна 7 коп.
174.—Св. Іоаннъ Дамаскинъ. Цѣна 7 коп.
187.—Св. Тихонъ Задонскій. Цѣна 7 коп.
188.—Св. безсребренники Косма и Даміанъ. Цѣна 7 коп.
190.—Св. Михаилъ, князь Черниговскій. Цѣна 7 коп.
191.—Преподобный Іоаннъ Кущникъ. Цѣна 7 коп.
202.—Просвѣтители Славянъ, св. Равноапостольные Кириллъ и Меѳодій. Изд. 2-е, исправл., 1885 г. (Съ 6-ю рисунками). Цѣна 20 коп.
85.—Никонъ, Патріархъ Всероссійскій. Съ портретомъ. Цѣна 7 коп.
143.—Старецъ о. Серафимъ. Съ 3 рисунками. Изд. 1871 г. Цѣна 20 коп.
162.—Несторъ—первый русскій лѣтописецъ. Изд. 1872 г. Цѣна 7 коп.
348.—Преподобный Трифонъ Печенгскій — просвѣтитель лопарей. Съ 2-мя рисунками. Цѣна 15 коп.
401.—Св. Ѳеодосій Печерскій. Съ изображеніемъ. Изд. 1886 г. Цѣна 20 к.
311.—Янъ Гусъ—мученикъ за вѣру. Съ рисункомъ. Изд. 1881 г. Ц. 6 к.
98.—Краткая Русская исторія. Выпускъ первый. (*Отъ основанія Руси до вступленія на престолъ дома Романовыхъ*). Съ 24 рисунками, исполненными лучшими художниками. Изд. 4-е, 1873 г. Цѣна 45 коп., съ перес. 50 коп.
99.—Краткая Русская исторія. Выпускъ второй. (*Отъ вступленія на престолъ дома Романовыхъ до настоящаго времени*). Съ 30-ю рисунками. Изд. 4-е, 1874 года, исправленное и дополненное. Цѣна 65 коп., съ перес 75 коп.
328.—Священное Коронованіе Ихъ Императорскихъ Величествъ и послѣдующія торжества въ Москвѣ. Съ большимъ портретомъ Ихъ Величествъ. Изд. 1883 г. Цѣна съ перес. 55 коп.

124.—**Іоаннъ Грозный.** Съ 2 рис. Изд 1881 г. Цѣна 6 коп.

161.—**Дмитрій Донской и Куликовская битва.** Съ 1 рисунк. Изд. 1871 г. Цѣна 10 коп.

100.—**Покореніе Царства Казанскаго Царемъ Іоанномъ Васильевичемъ Грознымъ.** Съ 2 рис. Изд. 1875 г. Цѣна 15 коп.

177.—**Козьма Мининъ, Князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій и избраніе на царство Михаила Ѳеодоровича Романова** (1611—1613 гг.) Съ 5 рис. Изд. 2-е, дополненное. 1881 г. Цѣна 15 коп.

102.—**Первый Императоръ Русскій, Петръ Великій, Преобразователь Россіи.** Изд. 1875 г., съ 20-ю рисунками. Цѣна 50 к., съ перес. 60 коп.

123.—**Разсказы о жизни и дѣяніяхъ Петра Великаго** (изложены анекдотически). Съ портретомъ Петра Великаго. Изд. 1879 г. Цѣна 45 к., съ перес. 50 коп.

194.—**Императрица Екатерина II-я, Великая.** Историческій очеркъ, съ приложеніемъ краткихъ жизнеописаній главнѣйшихъ сподвижниковъ Императрицы: Румянцева, Потемкина, Суворова, Дашковой, Безбородко, Бецкаго, Чичагова и Орлова-Чесменскаго. Изданіе 1873 г., съ 4 рисунками. Цѣна 45 коп., съ перес. 50 коп.

103.—**Черты изъ жизни Императора Павла I-го.** Съ портретомъ. Изданіе 1870 г. Цѣна 15 коп.

201.—**Антонъ Васильевичъ Головатый,** кошевой, первый атаманъ черноморскихъ казаковъ. Изд. 1874 г. Цѣна 12 к., съ перес. 15 коп.

233.—**Зиновій-Богданъ Хмѣльницкій.** Изд. 1876 г. Съ 1 рис. Цѣна 15 коп.

144.—**Князь Михаилъ Скопинъ-Шуйскій.** Съ рисунк. Изд. 1871 г. Цѣна 8 к.

114.—**Графъ Суворовъ-Рымникскій,** генералиссимусъ русскихъ войскъ. Изд. 4-е, 1882 г., дополненное. Цѣна 50 коп., съ перес. 55 коп.

117.—**Бояринъ Матвѣевъ.** Историч. разсказъ. Съ 4 рисунк. Цѣна 20 к.

105.—**Иванъ Сусанинъ.** Историч. пов. Съ 2 рис. Изд. 4-е. 1879 г. Цѣна 10 коп.

193.—**Князь Голенищевъ-Кутузовъ-Смоленскій.** Съ 2 рисунк. Цѣна 15 к.

101.—**Н. П. Слѣпцовъ,** ген.-маіоръ, командиръ 1-го Сунженскаго казачьяго полка и его боевая дѣятельность. Съ 3 рис. Изд. 1875 г. Цѣна 15 коп.

319.—**Генералъ-адъютантъ Михаилъ Дмитріевичъ Скобелевъ.** Краткое жизнеописаніе, съ портретомъ и двумя рисунками. Изд. 1882 г. Цѣна 20 коп.

334.—**Генералъ-лейтенантъ Яковъ Петровичъ Баклановъ.** Краткое жизнеописаніе. Изд. 1884 г. Цѣна съ перес. 23 коп.

344.—**Генералъ-адъютантъ, графъ Эдуардъ Ивановичъ Тотлебенъ.** Краткое жизнеописаніе, съ двумя портретами. Изд. 1884 г. Цѣна 8 коп.

359.—**Денисъ Васильевичъ Давыдовъ,** знаменитый партизанъ. Изд. 1885 г. Цѣна 30 коп

163.—**Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ**, сынъ рыбака Архангельской губ. села Денисовки. Съ 2 рисунками. Изд. 1872 г. Цѣна 25 коп.

278.—**Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ**. Замѣчательный русскій поэтъ и писатель. Съ 1 рис. Изд. 1879 г. Цѣна 15 коп.

238.—**Тарасъ Григорьевичъ Шевченко** — народный поэтъ Украйны. Изд. 1877 г. Съ портретомъ. Цѣна 15 коп.

176 —**Алексѣй Васильевичъ Кольцовъ**. Съ портретомъ. Изд. 2-е, 1886 г. Цѣна 15 коп.

286.—**Иванъ Саввичъ Никитинъ**. Народный поэтъ. Изд. 1880 г. Цѣна 7 к.

94.—**Кулибинъ, механикъ-самоучка**. Съ 1 рис. Изд. 1875 г. Цѣна 10 коп.

341.—**Иванъ Ивановичъ Хемницеръ**. Извѣстный русскій баснописецъ. Съ портретомъ. Изд. 1884 г. Цѣна съ перес. 8 коп.

338.—**Дмитревскій**. Первый русскій актеръ. Изд. 1884 года. Цѣна съ перес. 8 коп.

339.—**Алексѣй Егоровичъ Егоровъ**, замѣчательный русскій живописецъ. Изд. 1884 г. Цѣна съ перес. 6 коп.

356.—**Человѣкъ труда и сильной воли**. Очеркъ жизни Джемса Гарфильда, бывшаго президента Сѣверо-Американскихъ Штатовъ. Изд. 1885 г. Цѣна 10 коп.

364.—**Прокофій Акинфіевичъ Демидовъ**. (Богачъ-чудакъ). Цѣна 5 коп.

410.—**Павелъ Алексѣевичъ Зарубинъ**. (Человѣкъ труда и науки). Цѣна 7 коп.

415.—**Императоръ Александръ II-й, Николаевичъ**. Его царствованіе и благія дѣянія на пользу Русскаго народа (1855—1881). Съ портретомъ и 4-мя рисунками. Цѣна 25 коп.

Полный каталогъ изданій высылается, по требованію, **безплатно**.

1938

„ЧТЕНІЕ для СОЛДАТЪ“,

ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ СЪ ВЫСОЧАЙШАГО СОИЗВОЛЕНІЯ,

имѣетъ цѣлью содѣйствовать умственному и нравственному развитію и самообразованію солдатъ.

Журналъ „Чтеніе для Солдатъ“ рекомендованъ войскамъ бывшимъ Комитетомъ по устройству и образованію войскъ и помѣщенъ въ „Систематическомъ Каталогѣ“, объявленномъ при циркулярѣ Главнаго Штаба отъ 11-го сентября 1879 года, за № 343.

Цѣна за годовое изданіе журнала „Чтеніе для Солдатъ“ (12 выпусковъ), съ пересылкою четыре рубля.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ НАРОДНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„ЧТЕНІЕ для НАРОДА“

имѣетъ цѣлью содѣйствовать первоначальному самообразованію, основанному на нравственныхъ началахъ и религіозныхъ истинахъ Православной вѣры.

Цѣна за годовое (12 книжекъ) изданіе журнала „Чтеніе для народа“ съ пересылкою четыре рубля.

Требованія на оба вышеозначенные журнала слѣдуетъ посылать исключительно *въ Главную контору Редакціи сихъ журналовъ*, находящуюся въ С.-Петербургѣ. Адресъ Почтамту извѣстенъ.

Ген.-адъют. Карлъ Ивановичъ Бистромъ.—Цѣна 15 коп.

1938

2007059473